

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СВЕТЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

Задержание является одной из наиболее распространенных мер уголовно-процессуального принуждения. Международное право дает общее понятие задержания и характеризует его как состояние любого лица, лишённого личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения¹. Аналогично сущность задержания понимается в уголовно процессуальной науке как кратковременное лишение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления².

Одна из особенностей настоящей меры процессуального принуждения состоит в том, что при ее применении лишается свободы лицо, не признанное виновным в совершении преступления, а находящееся в статусе подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с ч. 1 ст. 14 УПК РФ подозреваемый и обвиняемый до вынесения обвинительного приговора суда считаются невиновными и, следовательно, обладают всеми конституционными правами, принадлежащими личности, в том числе и правом на свободу и личную неприкосновенность. Ограничение их прав мерами уголовно-процессуального принуждения допустимо в исключительных случаях и должно носить соразмерный характер. Несоразмерными являются такие меры, цель которых может быть достигнута и более мягкими средствами. Исходя из этого применение мер уголовно процессуального принуждения, в том числе и задержания, должно быть минимально необходимым, если это не противоречит интересам охраны личности и общественной безопасности.

Проявляя достаточное единодушие в определении сущности задержания, ученые и практические работники расходятся во мнениях относительно того, какие процессуальные действия входят в состав задержания, являются ли задержанием в уголовно-процессуальном смысле действия правоохранительных органов по фактическому лишению свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, до момента составления протокола задержания или нет?

Не вносит определенности в этот вопрос и Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ, «задержание подозреваемого» — это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем или прокурором на срок не бо-

* © Кирьянов А.Ю., 2010

Кирьянов Алексей Юрьевич — помощник председателя Промышленного районного суда г. Самары

лее 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Пункт 15 ст. 5 УПК РФ «момент фактического задержания» определяет как момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Однако в главе 12 УПК РФ, посвященной задержанию, деятельность, предшествующая составлению протокола задержания, в том числе фактическое задержание, процесс доставления задержанного в орган дознания, к следователю или дознавателю, не регулируется.

Некоторые ученые в состав уголовно-процессуального задержания включают только принятие процессуального решения правомочным субъектом и закрепление этого решения в соответствующем документе — протоколе задержания³. Все предшествующие составлению протокола задержания действия являются действиями административными, поскольку они производятся до возбуждения уголовного дела, и, соответственно, вне рамок уголовного процесса.

Ряд процессуалистов при рассмотрении проблемы соотношения «фактического» и «юридического» задержания исходят из международно-правового и конституционного понимания «задержания». С уровня конституционно-правового статуса личности очевидно, что фактическое задержание, выражающееся в захвате и доставлении в правоохранительный орган лица, заподозренного в совершении преступления, непосредственно ограничивает его право на свободу и личную неприкосновенность независимо от последующего составления протокола задержания. Если начало ограничения конституционного права на свободу и неприкосновенность выражается в захвате лица при наличии подозрения в совершении уголовного преступления, а не административного правонарушения, то этот захват в конституционном смысле следует считать «моментом фактического задержания». Доставка лица в правоохранительный орган, порожденное его захватом, также необходимо считать действием, имеющим уголовно-процессуальное значение. Следовательно, с позиции конституционного статуса личности понятия «захват» и «доставление» лица, заподозренного в совершении преступления, входят в содержание понятия «уголовно-процессуальное задержание»⁴. Данная точка зрения является наиболее справедливой. Подобное понимание задержания «будет служить интересам граждан, поскольку основания и порядок задержания на месте («захвата») и доставления подозреваемых окажутся четко регламентированными уголовно-процессуальным законом»⁵, а также позволит преодолеть существующие пробелы правового регулирования процедуры задержания.

В настоящий момент в современном уголовно-процессуальном законе промежуток времени между фактическим и юридическим задер-

жанием, в реальности составляющий многие часы, представляет собой абсолютную «правовую пустоту», так как никаких норм, определяющих в этой ситуации статус задерживаемого, а также права, обязанности и ответственность правоохранительных органов, в нашем законе не имеется. Из содержания ст. 92 УПК РФ «Порядок задержания подозреваемого» видно, что она регулирует процессуальные отношения, которые возникают между органом дознания, следователем, прокурором и задержанным только после доставления последнего в правоохранительный орган. Действия, входящие в систему задержания, не находят комплексного отражения и в других законодательных актах, регулирующих правоохранительную деятельность. Это создает возможности для многочисленных нарушений правоохранительными органами прав лиц, задержанных в связи с подозрением в совершении преступления.

Так, на практике достаточно часто встречаются случаи, когда между фактическим задержанием и составлением протокола задержания проходит значительный промежуток времени. В 23,4 % изученных уголовных дел с момента фактического задержания до момента составления протокола задержания прошло 21–25 часов. Все это время задержанные находились в помещении органа дознания в фактически бесправном состоянии: им не объяснялись причины задержания, не разъяснялись их права, не давалась возможность сообщить о задержании родственникам и встретиться с защитником. При этом в протоколе задержания данные сроки не фигурируют, моментом фактического задержания указывается момент составления протокола задержания⁶.

Отсутствие четкой регламентации порядка фактического задержания подозреваемого приводит к тому, что уголовно-процессуальное задержание в некоторых случаях подменяется задержанием административным, что, по существу, незаконно, так как применяется в иных, чем предусмотрено административным законодательством, правовых ситуациях⁷. Так, по абсолютному большинству изученных уголовных дел, связанных с незаконным хранением наркотиков, к подозреваемому применялось административное задержание в связи с вымышленным фактом административного правонарушения. При этом люди фактически задерживались в связи с подозрением в совершении преступления.

Задержание, являясь одним из наиболее жестких видов государственного принуждения, представляет для задержанного сильную стрессовую ситуацию. Стресс, наряду с нередко применяемыми правоохранительными органами недозволёнными методами ведения расследования, способен вызвать чувство безысходности и бесполезности защиты даже у невиновного, что может послужить причиной самооговора.

В литературе отмечается, что ради получения признания вины, показаний против других лиц в первые часы после задержания людей в милиции нередко избивают, подвергают жестокому обращению и пыткам. Имеются примеры, когда пытки приводили к смерти или тяжелым последствиям для здоровья задержанных⁸.

Заявления подозреваемых, обвиняемых и подсудимых о незаконных методах ведения расследования и понуждении к признанию вины встречаются в уголовных делах достаточно часто. Однако к их доводам правоохранительные органы и суды прислушиваются крайне неохотно. Максимум, на что хватает судейской решимости, — вызов и допрос оперативных сотрудников и следователей, на которых жалуется подсудимый и которые, естественно, отрицают какое-либо воздействие на него в ходе предварительного расследования. Эти заявления сотрудников правоохранительных органов служат основой признания заявлений подсудимого ложью. Даже в случаях очевидности примененного к подозреваемому или обвиняемому насилия, при наличии заключений экспертов, записей в журналах изоляторов о жалобах заключенных на состояние здоровья, свидетельских показаний и иных доказательств эти факты интерпретируются и подгоняются к единственной версии, что никаких нарушений прав подозреваемого и никакого насилия не было⁹. Например, в докладе Уполномоченного по правам человека за 2008 г. описывается случай, когда повреждения, обнаруженные у подозреваемого и причиненные, скорее всего, при его избии оперативными сотрудниками, по итогам проверки, проведенной Кировским МСО г. Самары, оценены как «результат самоличного физического воздействия»¹⁰.

Факт осуждения сотрудников правоохранительных органов за превышение должностных полномочий и применение насилия к подозреваемым не всегда служит оправданию этих лиц. К.В. Бубон описывает случай, когда почти одновременно были осуждены сотрудники милиции по факту избия подозреваемых и избитые ими лица, которые за это время успели стать подсудимыми. В приговоре в качестве доказательств активно использовались показания, данные этими лицами в качестве подозреваемых, именно те, получение которых привело милиционеров на скамью подсудимых¹¹.

Как представляется, нежелание наших правоохранительных органов и судов признавать факты незаконных задержаний и насилия в отношении задержанных кроется не на законодательном уровне. УПК и УК РФ содержат механизмы как признания действий сотрудников милиции незаконными, так и их наказания. Одной из причин описанной проблемы являются глубоко укоренившееся в сознании дознавателей, следователей, прокуроров и судей отношение к подозреваемому как к преступни-

ку, уже признанному виновным, а также непризнание и непонимание презумпции невиновности.

Примечания

¹ См.: Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 года) // Международные акты. М., 2000. С. 209.

² См., например: Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилов А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 5.

³ См.: Протопопов А.Л. Основания уголовно-процессуального задержания // Правоведение. 2006. № 4. С. 135; Рыжаков А.П. Задержание: основания и порядок производства. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. С. 13–14.

⁴ См.: Гречишников О.С. Обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого при применении процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 16.

⁵ Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / отв. ред. И.Б. Михайловская. М.: Наука, 1989. С. 19.

⁶ См., например: Уголовное дело №1-604/08, 1-1172/07, 1-123/08, 1-541/08 // Архив Федерального суда Промышленного района г. Самары.

⁷ См.: Давлетов А.А., Войт В.Г. Институт подозрения нуждается в совершенствовании // Законность. 1996. № 7. С. 25.

⁸ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2000 году // РГ. 2001. 16 мая.

⁹ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Самарской области «О проблемах в реализации конституционных прав и свобод граждан на территории Самарской области в 2008 году». URL: <http://ombudsman.samara.ru/izdaniya/doklad2008.htm>.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Бубон К.В. Об относимости и допустимости доказательств и диктатуре закона в уголовном процессе // Адвокат. 2005. № 1. С. 33.

*М.Н. Петренко**

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СОЗДАНИИ БАЛАНСА ПРАВ СТОРОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

Российское общество 12 декабря 1993 года, ратуя за демократический путь развития, приняло Конституцию РФ¹, провозгласив в ст. 2, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Между тем, как и любое государство, РФ обладает таким признаком, как наличие аппарата принуждения, который подчас действует непо-

* © Петренко М.Н., 2010

Петренко Михаил Николаевич – студент 5 курса юридического факультета Самарского государственного университета